

И.О. Смирнов

ИДЕЯ АВТОНОМИИ В СВЕТЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ КРИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ

Смирнов Илья Олегович – аспирант, кафедра философии. Дальневосточный федеральный университет. Российская Федерация, 690922, г. Владивосток, о. Русский, кор. F; e-mail: Smirnovilya1998@gmail.com

В европейской философской традиции просматриваются два направления в понимании свободы – негативная концепция свободы, выросшая из механицизма XVII в., легшая в основу либеральной политической традиции, и концепция свободы как автономии, в современном виде сформулированная в работах Бенедикта Спинозы и Иммануила Канта, ставшая основой республиканской политической традиции. Исторически негативная концепция свободы заняла доминирующее положение, в определенные периоды целиком заменив собой все альтернативные концепции. Однако обращение к идее свободы как состояния автономии способно стать одним из значительных направлений критики либерального понимания свободы, выявления его ограничений. Исторический анализ формирования либеральной концепции свободы позволяет определить те ее особенности, которые не позволяют данной концептуализации свободы в полной мере осмыслить все формы внешнего воздействия, ведущего к состоянию несвободы. К таковым, в частности, относится ограниченность понимания вмешательства в свободный выбор, характерная для либерализма в силу заложенного в него на ранних этапах духа механицизма. Выявить данный недостаток либеральной концепции свободы позволяет обращение к республиканской традиции понимания свободы, наследующей античной правовой традиции определения свободы и постулирующей необходимость отсутствия не только произвольного вмешательства в свободный выбор индивида, но и самой возможности такого вмешательства (допускаемого в некоторых формах либерализма). В то же время обращение к концепции автономии в форме сравнительного анализа республиканского понимания свободы и свободы как автономии позволяет раскрыть ограниченность и республиканского понимания свободы, опора на которое не позволяет рассмотреть внешние ограничения свободы, связанные с привитием определенных ценностных установок и их последующей интернализацией.

Ключевые слова: негативная свобода, автономия, республиканизм, либерализм, концепции свободы

Для цитирования: Смирнов И.О. Идея автономии в свете республиканской критики современной либеральной концепций свободы // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 1. С. 169–179.

Одной из ключевых концепций современной политической философии является концепция свободы. В той или иной форме она присутствует во всех современных крупных направлениях политической мысли. Конечно, конкретное воплощение этой концепции будет различным в каждом из этих направлений, но сама апелляция к свободе как к ценности остается неизменной. При этом мы можем выделить определенное концептуальное различие между свободой, как ее понимают те направления политической мысли, для которых концепция свободы является фундирующей (к таковым можно отнести либерализм и республиканизм), и свободой, понимаемой как состояние автономии – формах, в которых свобода осмыслялась в европейской (в первую очередь континентальной) философской традиции.

Либеральная концепция свободы

В европейской философии начиная с Нового времени присутствует множество подходов к свободе. Среди философов, положивших определенную концептуализацию свободы в основу политического проекта, был Томас Гоббс. Гоббсианское понимание свободы, с одной стороны, приближено к бытовому, обывательскому восприятию свободы как отсутствию внешних ограничений действия, с другой – пропитано характерным для Нового времени духом механицизма. Давая определение понятию свободы, Гоббс делает акцент на движении: «свобода... означает отсутствие сопротивления (...препятствия для движения)», а свободный человек – «тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это делать»¹. Несмотря на то, что сам Томас Гоббс был теоретиком монархического движения, именно гоббсианская концепция свободы легла в основу современного либерализма – первого крупного движения, для которого свобода является центральным понятием. Подобное понимание свободы во многом сохраняется в либерализме до сих пор – один из крупнейших теоретиков классического либерализма XX в. Исайя Берлин состояние свободы характеризовал как отсутствие внешних ограничений, даже если такая ситуация подразумевает состояние зависимости от воли другого человека, обычно характеризующееся как несвобода: «Точно так же, как демократия может лишить отдельного гражданина очень многих свобод, которые он мог бы иметь в какой-либо другой форме общества, вполне возможно представить либерально настроенного деспота, предоставляющего своим подданным значительную меру личной свободы»².

Данная концепция, будучи близкой бытовому восприятию свободы, интуитивно понятна, что может быть одной из причин ее широкого распространения, но она не лишена определенных недостатков. Краеугольным для такой концепции будет вопрос о том, что понимается под препятствием для действия, – неопределенность в ответе на этот вопрос рождает пространство для злоупотребления. Так, следствием своей концепции свободы сам Гоббс считал невозможность противопоставить личную свободу и государственное принуждение – с его точки зрения, индивид всегда свободен

¹ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 145.

² Berlin I. Liberty. 2nd ed. Oxford, 2002. P. 176.

в своем выборе подчиниться закону или нарушить его (и жить с последствиями этого выбора)³.

Либеральная концепция свободы дополняет гоббсианскую принципом неприкосновенности личности – в классической форме он выражен уже в формулировке естественного (природного) закона Джона Локка: «Природное состояние управляется природным законом, который обязателен для каждого... никто не должен причинять вред другому в его жизни, здоровье, свободе, или имуществе»⁴.

При таком подходе насилие или угроза его применения рассматриваются как угроза свободе, однако не прямые формы ограничения свободы действия – такие, как финансовое давление или формы остракизма, связанные с расовыми, этническими, конфессиональными и иными групповыми стереотипами, остаются вне поля зрения классического либерализма (это же ограничение в полной мере сохранилось в современном либертарианстве).

Положение изменяется вместе с трансформацией либерализма в XIX в. Радикализм Великой французской революции вызвал консервативную реакцию среди теоретиков либеральной идеи – уже в 1820–1830-х гг. для либерализма характерно требование обеспечить неприкосновенность личности от влияния не только государства, но и сограждан, демократического большинства. Бенжамен Констан, политический деятель, участник французской революции, автор самого термина «либерализм», различая «свободу древних» (античный идеал участия в политической жизни) и «свободу современную» (негативную концепцию свободы, лежащую в основе либерального движения), отдавал явное предпочтение последней⁵. Схожие опасения об угрозе свободе индивида со стороны общества и необходимости федерализма как способа защиты от этой угрозы выдвигал в 1830–1840-х гг. соотечественник Констан, Алексис де Токвиль⁶. Опасения о способности демократического большинства подавлять свободу личности становится, таким образом, одной из отличительных характеристик либерализма, сохраняющихся до сих пор – теория справедливости одного из крупнейших либеральных мыслителей XX в. Джона Роулза, являясь разновидностью контрактной теории, опирается на свободный выбор индивида, помещая его в «исходное положение» – состояние, в котором выбор политических принципов производится без учета концепции общественного блага, апеллируя лишь к частному интересу индивида⁷.

Требование сохранить неприкосновенность личности от вмешательства (или угрозы такого вмешательства) со стороны общества является достаточной защитой от основанных на предрассудках формах прямого или косвенного угнетения, однако формы систематического влияния на выбор человека, основанные на привитии и распространении определенных ценностных установок все еще остаются вне поля зрения (а следовательно – вне осмысления) современного неолиберализма.

³ Цанаева Б.З. Эволюция концепции свободы в политической философии Томаса Гоббса // ПОЛИТЭКС. 2019. № 4. С. 559.

⁴ Locke J. Second Treatise of Government and A Letter Concerning Toleration. N.Y., 2016. P. 5.

⁵ Constant B. Political Writings. N.Y., 1988.

⁶ Jacobs L. «Le Moment Liberal»: The Distinctive Character of Restoration Liberalism // The Historical Journal. 1988. Vol. 31. Iss. 2. P. 488–489.

⁷ Rawls J. A Theory of Justice. Rev. ed. Cambridge, 1999. P. 12.

Так, современный социолог Энн Леви отмечает, что значительное гендерное неравенство в выборе профессии, сохраняющееся в современном мире, является не столько результатом прямого ограничения или социального давления, сколько результатом формирования у девочек и мальчиков разных ценностных установок, прививаемых культурой – в частности, большая ориентация на ценности заботы у первых и ценности достижения успеха у последних⁸. При этом, так как подобный выбор производится человеком без внешнего давления (прямого или непрямого), с точки зрения либерализма он является свободным⁹.

Подобный подход расходится с философским пониманием свободы как состояния автономии и может быть подвергнут определенной критике с позиций традиционной европейской философской традиции. Поскольку ценности, на основе которых было принято свободное решение в немалой степени привиты человеку извне, культурой (в противовес их рефлексивному осмыслению и интернализации со стороны индивида), в вышеупомянутом случае свободный выбор человека не является автономным выбором.

Свобода как автономия

Идея автономии как понятия, отделяемого от концепции негативной свободы (пусть и являющейся основой свободы), достаточно давно стала частью словаря европейской этики и политической философии. Сложно дать единое описание концепции автономии, однако наиболее влиятельной можно назвать традицию понимания автономии, ведущую свое начало от Иммануила Канта и воспринимающую автономию как способность определять основания собственных действий вне рамок каузальности, т.е. не детерминированных никаким, выражаясь языком эпохи Просвещения, «природным законом»¹⁰. В этой традиции основной характеристикой автономии является свобода выбора, производимого с опорой на ценности, принятые рефлексивно, интернализированные, в противовес ценностным установкам, принятым в силу конформизма, или же просто неосознанно. При этом состояние автономии, будучи связанным с концепцией негативной свободы (сложно говорить об автономии в случае отсутствия хотя бы минимальной свободы действия), в то же время не только не может быть приравнено исключительно к стремлению расширить эту свободу, но даже наоборот – опора на интернализированные ценности вполне способна привести к сокращению свободы выбора в сравнении с состоянием негативной свободы без автономии. В частности, наиболее ранние философские концепции, воплощающие идеал автономии – *causa sui* Бенедикта Спинозы и нравственный закон Иммануила Канта, представляют собой пример принципа, ограничивающего человека в его действиях в большей степени, нежели характерная для современников Спинозы и Канта бытовая нравственная установка (можно вспомнить хотя бы полное неприятие Кантом лжи – даже лжи во спасение, вызывавшее недоумение у многих его читателей).

⁸ Levy A. Liberalism, Adaptive Preferences, and Gender Equality // *Hypatia*. 2005. Vol. 20. Iss. 4. P. 136–137.

⁹ *Ibid.* P. 139.

¹⁰ Gass M. Kant's Causal Conception of Autonomy // *History of Philosophy*. 1994. Vol. 11. P. 54.

Подобный разрыв между осмыслением свободы в ее негативной характеристике – как отсутствия ограничений, и автономии – в позитивной – как утверждения определенного типа контроля над собственным выбором, не ускользнул от взгляда философов и политических теоретиков: как тех, кто выступал на стороне негативного понимания свободы, так и тех, кто следовал автономистской (спинозианской и кантианской) традиции. Помимо уже упомянутых Констан и Токвиля, к критикам идеи автономии можно отнести практически всех представителей либеральной политической традиции, но отдельно следует отметить Берлина – основной идеей его работы «Две концепции свободы» является критика разных воплощений идеи автономизма от Руссо до современных Берлину социалистических теорий.

В то же время концепция автономии выступала не только объектом критики сторонников негативного понимания свободы, но и сама служила основой обратной критики – в частности, уже в 1970-х гг. британский политический философ Стенли Исаак Бенн указывал на то, что классическое для либерализма понимание свободы подразумевает отсутствие внешних, объективных ограничений выбора и при этом игнорирует наличие внутренних, субъективных ограничений, связанных с тем, как внешнее влияние (к примеру, со стороны СМИ или общественного мнения) способно изменить иерархию предпочтений человека, лежащую в основе его свободного выбора¹¹.

Подобное игнорирование влияния на внутренний процесс целеполагания (или, иными словами – выбора ценностей), характерный для классического либерализма, вполне может быть объяснено особенностями его формирования как проекта Просвещения, характеризующего представлением внутренних, психологических условий выбора ценностей в виде иерархической структуры – структуры, в которой разумный (рациональный) выбор признается ведущим, а иные мотивы – находящимися в подчиненном положении. Что интересно, подобный подход характерен для обеих традиций, послуживших основой современного либерализма – континентальной (Кант, Констан) и утилитаристской (Бентам). Подобное игнорирование может быть объяснено, но не оправдано – характерный для эпохи Просвещения этический универсализм если не утратил свою силу, то как минимум был подвергнут серьезному сомнению.

Подобное сомнение в возможности пренебречь влиянием, оказываемым культурой или общественным мнением на свободный (в значении негативной свободы) выбор в 1970–1980-х гг., стало одной из основ республиканизма – еще одной политической теории, для которой концепция свободы является ключевой.

Республиканизм – воплощение идеала автономии?

Республиканская традиция XX в. представляет собой результат переосмысления классического республиканского наследия. Такие авторы, как Квентин Скиннер, Джон Покок, Филипп Петтит претендуют не столько на создание новой политической теории, сколько на статус авторов, заново открывших наследие Античной и Ренессансной политической философии.

¹¹ Benn S.I. Freedom, Autonomy and the Concept of a Person // Proceedings of the Aristotelean Society. 1976. Vol. 76. Iss. 1. P. 112.

В наиболее полной форме эта особенность республиканской теории отражена в работе Скиннера «Свобода до либерализма», в которой автор описывает традицию осмысления свободы, существовавшую в Англии раннего Нового времени и опиравшуюся на античную (в первую очередь римскую) традицию разделения между статусом свободного человека и раба (отсюда еще одно название данной традиции, используемое Скиннером – «неоримская традиция»). Ключевой характеристикой свободного субъекта в республиканской традиции является состояние отсутствия возможности произвольного вмешательства в его жизнь. Скиннер иллюстрирует разницу между либеральной концепцией негативной свободы и республиканской традицией, обращаясь к статусу раба в римском праве – раб находится в состоянии, в рамках которого его хозяин способен произвольно вмешаться в его жизнь¹². Даже если подобного вмешательства не происходит, само осознание его возможности значительно изменяет поведение раба. Такое осмысление свободы не теряет своей актуальности и в обществах, не имеющих никакого отношения к рабовладению – Скиннер противопоставляет республиканское понимание свободы, требующее отсутствия не только внешнего принуждения, но всякой возможности произвольного вмешательства в жизнь человека, либеральной концепции негативной свободы, данной Берлином, которая, цитируя последнего: «...совместима с определенными видами единовластия, во всяком случае – с отсутствием самоуправления»¹³. Значительная связь республиканского понимания свободы с идеей автономии означает, что отсутствие вышеупомянутого «самоуправления» ставит человека в состояние несвободы, вне зависимости от наличия или отсутствия внешних препятствий к действию. Схожая концепция свободы присутствует и у иных авторов республиканской традиции – Петтит обозначает свободу как состояние «не-властвования [non-domination]», подразумевающее отсутствие возможности произвольного вмешательства в выбор человека¹⁴. Республиканская концепция свободы, таким образом, ближе к традиционной идее автономии, нежели концепция негативной свободы. Республиканизм признает недостаточность отсутствия внешних ограничений выбора (негативной свободы) – для него выбор является действительно свободным лишь в том случае, если воля, принимающая решение, свободна от угрозы произвольного внешнего вмешательства, даже если данное вмешательство не является прямым препятствием для действия.

В то же время концепция свободы в республиканизме, учитывая факторы, влияющие на внутреннее целеполагание, не столь сильно расходитсся в этом вопросе с либерализмом, как это зачастую стараются представить теоретики республиканизма. В частности, вопрос о том, какое влияние на поведение человека оказывает угроза (в том числе нереализуемая) произвольного вмешательства в его жизнь, может быть рассмотрена с точки зрения ставшего характерным для либерализма уже в XIX в. принципа сохранения минимальной неприкосновенности личности от внешнего вмешательства – как прямого, так и косвенного (в разных формах общественного давления). Но это также значит, что, несмотря на некоторую связь республиканизма с идеей автономии, между республиканской концепцией свободы и свободой

¹² Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб., 2006. С. 43–47.

¹³ Там же. С. 96.

¹⁴ Pettit Ph. Republicanism: a theory of freedom and government. Oxford, 2002. P. 52.

как автономией лежит тот же разрыв (лишь менее резко выраженный), что ранее был обнаружен между автономией и либеральной концепцией свободы. Разрыв этот проходит не столько по линии «прямое – косвенное вмешательство в свободный выбор», сколько по линии «ограничение свободы выбора – привитие ценностных установок».

Современный американский политический философ Патчен Маркелл, задаваясь вопросом о том, как дискурсивный контроль остается за пределами осмысления республиканской традиции, обращается к трактовке свободного субъекта в работах Филиппа Петтита. Проблему определения возможности и границ свободы Петтит представляет как проблему ответственности; для него мерилом свободы является степень ответственности, которую субъект может нести за то или иное действие¹⁵. В своей книге «Теория свободы» Петтит последовательно рассматривает три подхода к определению возможности ответственности субъекта за свое действие – и, следовательно, три подхода к определению свободы.

В ближайшем приближении субъект является субъектом, т.е. несет ответственность за определенное действие в той мере, в какой его действие является результатом его рационального выбора, произведенного «в свете убеждений [beliefs] и желаний, присутствующих [у данного субъекта]»¹⁶. Проблемой такого подхода является то, что он, принимая убеждения и желания как данные, «присутствующие», устраняет возможность вменения ответственности за действие, опирающееся на них. Подобный подход близок к мягким формам детерминизма, он устраняет субъектность, превращая человека в объект культуры, среды и воспитания¹⁷. Примечательно, что подобный подход был характерен для отдельных ранних форм либерализма эпохи Просвещения – Кант, давая ответ на вопрос: «Что я должен делать?», не только говорил о том, что человеку следует поступать так, как подсказывает его Разум, но также утверждал, что, если бы не чувственные аффекты, Разум подталкивал бы всех людей к одному и тому же, что в каком-то смысле превращает человека в объект Разума.

Ответственность за рациональное действие, основанное на разделяемой человеком ценностной установке, в той мере может быть вменена субъекту, в коей он обладает способностью рефлексивно оценить данную установку – принять ее или отвергнуть. Это – второй ответ на вопрос о свободе, которому Петтит дает название, прибегая к терминологии американского философа Гарри Франкфурта, «волевого [volitional] контроля» – способности сохранить приверженность привитым средой ценностям – либо отвергнуть их¹⁸.

Однако и сама идея волевого контроля не лишена важного ограничения. Волевой контроль подразумевает, что человек не является пассивным объектом по отношению к своим ценностям и убеждениям. Но, как указывает Маркелл, это, в свою очередь, означает, что он также несет ответственность за внутренние ценностные установки, приведшие человека к его убеждениям – но и за сами эти установки субъект также должен нести

¹⁵ *Pettit Ph. A Theory of Freedom: The Psychology and Politics of Agency. Oxford, 2001. P. 12.*

¹⁶ *Ibid. P. 35.*

¹⁷ *Markell P. The Insufficiency of Non-Domination // Political Theory. 2008. Vol. 36. Iss. 1. P. 16–17.*

¹⁸ *Pettit Ph. A Theory of Freedom. P. 51.*

ответ. И это приводит нас к цепочке, выражаясь словами Маркелла, «бесконечной регрессии»¹⁹, в которой субъект заменен на постоянное становление субъекта – как только человек останавливается на определенном наборе ценностей, он перестает быть субъектом, и вновь возвращается к проблеме первого ответа – вновь он низведен до статуса объекта²⁰.

Это противоречие приводит Петтита к третьему ответу – попытке разорвать порочный круг растворения субъекта в вечном отрицании ценностной установки за счет его укоренения в публичном дискурсе. Неотъемлемым условием участия в коммуникации с другим человеком является наличие относительно устойчивой идентичности, обладающей определенным набором ценностей. По утверждению Петтита: «Как личность [person] я никогда не смогу избавиться от чего-либо, сотворенного субъектом [agent]... как самость [self] – я могу это сделать. Но здесь следует заметить, что, если я хочу поддерживать дискурсивное взаимодействие с другими, упомянутая «самость» не может быть низведена до состояния исключительно формального «Я», обладающего слабой и свободной от обязательств идентичностью. Для поддержания дискурсивного взаимодействия с другими, я должен буду придерживаться конкретных утверждений и намерений; я не могу меняться с каждой новой минутой, с каждым новым взаимодействием. А это значит, что я должен присвоить самости содержательную характеристику [substantive specification], «самость» [self] должна принять сущностный характер»²¹.

Маркелл обращает внимание на то, как Петтит формирует требование наличия сущностного единства в форме императива, источником которого при этом не может быть сам субъект – в ином случае это требование представляло бы собой еще одну разновидность ценностной установки, что возвращало бы нас к проблеме «бесконечной регрессии» субъекта. Источником этого требования является дискурс, или, вернее, необходимость участия в нем²².

Однако, поступая таким образом, Петтит ставит человека в зависимость, пользуясь термином Маркелла, от «формирующей власти дискурса» – власти, которая, как замечает Маркелл, не может быть подвергнута «критическому анализу с позиций его [Петтита] собственного руководящего принципа»²³. Поступая таким образом, Петтит игнорирует тот факт, что формирующая власть дискурса не просто приводит к формированию *каких-то* ценностей, но также влияет на характер конкретных ценностных установок. Для того, чтобы продемонстрировать эффект подобного влияния на практике, можно обратиться к феминистской критике республиканизма. Энн Филипс, современный социолог и феминистский теоретик указывает на то, как в обществах со структурно-обусловленным неравенством социальных групп (к примеру, мужчин и женщин) представители угнетенной группы зачастую интернализируют ценности, прививаемые им в ходе социального взаимодействия. Это, в свою очередь, приводит к дальнейшему распространению уже доминирующих в обществе ценностных установок, укреплению статус-кво²⁴. А это значит, что формирующая власть дискурса не является

¹⁹ Markell P. The Insufficiency of Non-Domination. P. 19.

²⁰ Ibid.

²¹ Pettit Ph. A Theory of Freedom. P. 85.

²² Markell P. The Insufficiency of Non-Domination. P. 21.

²³ Ibid. P. 23.

²⁴ Phillips A. Feminism and Republicanism: Is This a Plausible Alliance? // The Journal of Political Philosophy. 2000. Vol. 8. Iss. 2. P. 284–285.

ценностно-нейтральной, она «подталкивает» человека в определенном направлении, нарушая его автономию. Наиболее тревожащим во всем этом является то, что данный процесс остается практически невидимым (а значит, и неосмысляемым) с позиций как либерального (негативного) понимания свободы, так и республиканского призыва сохранить автономию субъекта.

Заключение

Попытка осмыслить концепцию свободы через обращение к идее автономии сдвигает фокус внимания с традиционных противопоставлений свободы негативной и позитивной, или прямого и косвенного ограничения свободы действия на вопрос о том, кем же является свободный (в значении – автономный) субъект. В той мере, в которой определенная ценностная установка носит конститутивный характер по отношению к действию, вопрос о свободе будет вопросом не о самом действии, а о процессе интернализации ценностей. При этом особенностью классических концепций свободы, лежащих в основе современных политических движений, является то, что вопрос о том, какие формы интернализации ценностей не нарушают автономию субъекта, а какие – подчиняют его себе, остается вне пределов и традиционной как либеральной, так и республиканской оптики. Дальнейшее прояснение вопроса о свободном субъекте, таким образом, неразрывно связано с идеей автономии в той форме, в которой она представлена в классической философской традиции.

Список литературы

- Гоббс Т. Левиафан / Пер. с англ. А. Гутермана. М.: Мысль, 2001.
- Скиннер К. Свобода до либерализма / Пер. с англ. А.В. Магуна. СПб.: Европейский университет, 2006.
- Цанаева Б.З. Эволюция концепции свободы в политической философии Томаса Гоббса // ПОЛИТЭКС. 2019. № 4. С. 549–565.
- Benn S.I. Freedom, Autonomy and the Concept of a Person // Proceedings of the Aristotelean Society. 1976. Vol. 76. Iss. 1. P. 109–130.
- Berlin I. Liberty. 2nd ed. Oxford.: Oxford University Press, 2002.
- Constant B. Political Writings. N.Y.: Cambridge University Press, 1988.
- Gass M. Kant's Causal Conception of Autonomy // History of Philosophy Quarterly. 1994. Vol. 11. P. 53–70.
- Jacobs L. «Le Moment Liberal»: The Distinctive Character of Restoration Liberalism // The Historical Journal. 1988. Vol. 31. Iss. 2. P. 479–491.
- Levy A. Liberalism, Adaptive Preferences, and Gender Equality // Hypatia. 2005. Vol. 20. Iss. 4. P. 127–143.
- Locke J. Second Treatise of Government and A Letter Concerning Toleration. N.Y.: Oxford University Press, 2016.
- Markell P. The Insufficiency of Non-Domination // Political Theory. 2008. Vol. 36. Iss. 1. P. 9–36.
- Pettit Ph. A Theory of Freedom: The Psychology and Politics of Agency. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Pettit Ph. Republicanism: a theory of freedom and government. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- Phillips A. Feminism and Republicanism: Is This a Plausible Alliance? // The Journal of Political Philosophy. 2000. Vol. 8. Iss. 2. P. 279–293.
- Rawls J. A Theory of Justice. Rev. ed. Cambridge: Harvard University Press, 1999.

The idea of autonomy in view of the republican critique of the modern liberal conception of freedom

Ilya O. Smirnov

Far Eastern Federal University. Build. F Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation; e-mail: Smirnovilya1998@gmail.com

In the European philosophical tradition, there are two trends in the understanding of freedom – the negative concept of freedom, which grew out of the mechanicism of the 17th century, which formed the basis of the liberal political tradition, and the concept of freedom as autonomy, established in a modern form in the works of Benedict Spinoza and Immanuel Kant, and later becoming the basis of the Republican political tradition. Historically, the negative concept of freedom has assumed a dominant position, in certain periods completely replacing all alternatives. However, the appeal to the idea of freedom as a state of autonomy can become one of the significant approaches to critique of the liberal understanding of freedom, way of understanding its limitations. The historical analysis of the formation of the liberal concept of freedom allows us to identify those features of it that prevent this conceptualization of freedom from fully comprehending all forms of external influence leading to a state of unfreedom. These include, in particular, the limited understanding of interference in free choice, characteristic of liberalism due to the spirit of mechanicism embedded in it at the early stages of its development. This limitation in the liberal concept of freedom can be identified by referring to the Republican tradition of understanding freedom that inherited its definition of freedom from the legal tradition of Antiquity and postulates the need for the absence of not only arbitrary interference in an individual's free choice, but also the very possibility of such an interference (something that is allowed in some forms of liberalism). At the same time, the appeal to the concept of autonomy in the form of a comparative analysis of the republican understanding of freedom and freedom as autonomy allows us to reveal the limitations of the republican understanding of freedom, the reliance on which does not allow us to consider the external restrictions of freedom associated with the inculcation of certain values and their subsequent internalization.

Keywords: negative freedom, autonomy, republicanism, liberalism, concepts of freedom

For citation: Smirnov, I.O. "Ideya avtonomii v svete respublikanskoi kritiki sovremennoi liberal'noi kontseptsii svobody" [The idea of autonomy in view of the republican critique of the modern liberal conception of freedom], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 1, pp. 169–179. (In Russian)

References

- Benn, S.I. "Freedom, Autonomy and the Concept of a Person", *Proceedings of the Aristotelean Society*, 1976, Vol. 76, Iss. 1, pp. 109–130.
- Berlin, I. *Liberty*, 2nd ed. Oxford.: Oxford University Press, 2002.
- Canaeva, B.Z. "Evoluciya koncepcii svobody v politicheskoi filosofii Tomasa Gobbsa" [Evolution of the concept of freedom in Thomas Hobbes' political philosophy], *POLITEKS*, 2019, No. 4, pp. 549–565. (In Russian)
- Constant, B. *Political Writings*. New York: Cambridge University Press, 1988.
- Gass, M. "Kant's Causal Conception of Autonomy", *History of Philosophy Quarterly*, 1994, Vol. 11, pp. 53–70.
- Hobbes, T. *Leviafan* [Leviathan], trans. by A. Guterman. Moscow: Mysl' Publ., 2001. (In Russian)
- Jacobs, L. "Le Moment Liberal': The Distinctive Character of Restoration Liberalism", *The Historical Journal*, 1988, Vol. 31, Iss. 2, pp. 479–491.

- Levy, A. "Liberalism, Adaptive Preferences, and Gender Equality", *Hypatia*, 2005, Vol. 20, Iss. 4, pp. 127-143.
- Locke, J. *Second Treatise of Government and A Letter Concerning Toleration*. New York: Oxford University Press, 2016.
- Markell, P. "The Insufficiency of Non-Domination", *Political Theory*, 2008, Vol. 36, Iss. 1, pp. 9-36.
- Pettit, Ph. *A Theory of Freedom: The Psychology and Politics of Agency*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Pettit, Ph. *Republicanism: a theory of freedom and government*. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- Phillips, A. "Feminism and Republicanism: Is This a Plausible Alliance?", *The Journal of Political Philosophy*, 2000, Vol. 8, Iss. 2, pp. 279-293.
- Rawls, J. *A Theory of Justice*, Rev. ed. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
- Skinner, Q. *Svoboda do liberalizma* [Liberty before liberalism], trans. by A.V. Magun. St. Petersburg: Evropejskij Univ. Publ., 2006. (In Russian)